Е. В. Денисова

ОБРАЗ СВЯТОГО КОРОЛЯ-МУЧЕНИКА ЭДМУНДА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АГИОГРАФИИ. ЕГО РОЛЬ В ИДЕОЛОГИИ ЦЕРКВИ И КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

Работа представлена отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН. Научный руководитель – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник В. И. Мажуга

В настоящей статье произведено сопоставление двух версий жития святого короля Эдмунда. Аббат Эльфрик, переводчик жития Эдмунда с латыни на древнеанглийский язык, сохранил основные идейные установки оригинала, но упростил изложение, приблизив его к восприятию мирян, и умело применил характерные для англосаксонской литературной традиции художественные приемы эмоционального воздействия.

Ключевые слова: король, мученик, проповедь, церковь, англосаксы.

Two versions of Saint King Edmund's life are compared in the article. Abbot Aelfric, translator of Edmund's life to Old English, preserved main ideas of the original text, but simplified the exposition, having made it closer to laymen's perception, and skillfully used artistic devices of emotional impact, typical for the Anglo-Saxon literary tradition.

Key words: king, martyr, preaching, church, Anglo-Saxon.

Со времени Беды Достопочтенного деятели церкви в англосаксонских королевствах стремились включить в пантеон почитаемых церковью святых имена своих местных святых: религиозных подвижников, деятелей церкви, вождей монашества, миссионеров, а с ними и святых королевской крови ввиду особой роли королевской власти в насаждении идей и институтов христианской церкви. Церковная проповедь у англосаксов строилась в немалой мере именно на понятных для малообразованных людей примерах из истории деятельности и посмертных чудес местных святых. Культы местных святых складывались в известной мере стихийно, а потому агиограф или проповедник должен был проявлять немалую осторожность в подборе своего материала, чтобы не впасть в противоречие с церковной доктриной.

В этом отношении заслуживает внимания относительно скорая канонизация святого Эдмунда, короля Восточных англов, павшего в битве с язычниками-датчанами в 870 г. Очевидно, определенную роль здесь сыграло то обстоятельство, что именно подвижник, претерпевший мученическую смерть ради имени Христова, со времени раннего христианства представлял классический тип святого. Среди святых королевской крови, образы которых были особенно близки по ряду причин и новой англосаксонской аристократии, и простым англосаксам, Эдмунд стал одним из наиболее почитаемых. Можно высказать лишь некоторые предположения относительно мотивов конкретных лиц, которые способствовали канонизации Эдмунда. Впечатляет, однако, их основательный подход к делу.

К написанию жития св. Эдмунда был привлечен один из видных деятелей клюнийской монашеской реформы, будущий аббат прославленного монастыря Флери в среднем течении Луары Аббон (940/945–1004) в бытность его руководителем монастырской школы аббатства Рэмсей в Йоркшире. Создание труда Аббона относится примерно к 985 г. Спустя немногим более десяти лет с целью практического применения жития Аббона в проповеди латинский труд Аббона был переработан на национальном языке выдающимся мастером церковной проповеди Эльфриком Эйнсгемским (ок. 955 – ок. 1010).

Об историческом Эдмунде и первоначальном развитии его культа в близких по времени источниках говорится крайне мало. В версии «А» «Англосаксонской Хроники» под 870 г. сообщается, что Эдмунд защищал свой народ с оружием в руках, потерпел поражение и был убит своими противниками-датчанами [9, p. 99]. Факт гибели Эдмунда в сражении подтверждается в «Жизнеописании Альфреда Великого», созданном в 893 г. и обычно приписываемом епископу Шерборнскому Ассерию – одному из приближенных Альфреда. О посмертной славе Эдмунда свидетельствует факт чеканки в Восточной Англии памятных монет в его честь начиная примерно с 890 г. [5, p. 234–253].

Но именно житие, написанное Аббоном спустя более ста лет после гибели Эдмунда, является основным источником наших сведений о святом короле. Основная сюжетная канва жития св. Эдмунда примерно следующая. Язычники-«даны» под предводительством сыновей знаменитого Рагнара Лодброка – Ингвара и Уббы – разоряют Нортумбрию и Восточную Англию – королевство Эдмунда, образцового христианского короля, преисполненного многочисленных добродетелей. Ингвар через своего посланца требует у Эдмунда, чтобы тот склонился перед его властью. Эдмунд отвечает категорическим отказом, невзирая на увещевания приближенного к нему епископа, который, опасаясь за жизнь короля, предлагал ему подчиниться. Разгневанный Ингвар приказывает повергнутого Эдмунда предать пыткам, а затем обезглавить его. Культ святого Эдмунда в описании Аббона возникает стихийно. Как первое проявление общего почитания Эдмунда можно рассматривать общие поиски отрубленной головы святого короля, спрятанной врагами. Люди приложили голову к телу святого и возвели над его могилой часовню. Позже была построена церковь, и останки перенесли туда, причем они остались нетленными, а голова приросла к шее. По сообщению Аббона, эти останки исцелили множество людей и производили другие чудеса*.

Между тем Аббон развернул в своем агиографическом сочинении целую философско-религиозную драму, в которой оказались затронутыми важнейшие темы церковного вероучения, и в частности идеологии монашества. Следует отметить как глубокую образованность Аббона, так и редкую широту его

общественно-церковных и интеллектуальных интересов. Он много писал по вопросам реформы церкви и снискал известность прежде всего своими посланиями различным лицам и составленным им сборником церковных установлений (Collectio canonum), где попытался выстроить идейно-правовую систему взаимоотношений королевской власти, епископата и монашества. Философско-религиозные вопросы мироздания он затронул в своем сочинении «Апологетика против епископа Арнульфа Орлеанского». Аббон оставил труды по искусству исчисления Пасхи и грамматике, довольно совершенные по форме поэтические сочинения [8].

Противостояние христианского короля победоносному предводителю захватчиков-язычников Аббон рисует как противостояние члена Церкви власти Сатаны, как своего рода «Антицеркви». В одном из эпизодов Эдмунд в качестве слуги Божьего назван «плоть от плоти Христа» (**membrum** Christi) [1, p. 514]. То же понятие membrum, как указание на часть тела, Аббон применяет и в отношении языческого короля Ингвара, говоря, что «враг рода человеческого» подпустил к Эдмунду «одного от своей плоти как противника [Эдмунда]» (unum ex suis **membris** ei adversarium inmisit) [1, p. 510].

В таком видении описываемых событий, в представлении о дьявольской силе как некой «антицеркви» сказался, несомненно, мучительный опыт междоусобий на родине Аббона, позднекаролингской Франции, переживание деградации клира и монашества и страстное желание обновления Церкви, а вместе с тем и известный личный опыт столкновений с сильными мира сего в пору борьбы за реформу Церкви и институтов монашества.

На почве особого опыта христианских королевств Англии, переживавшей постоянные нашествия скандинавских завоевателей-язычников, Аббон пытался заново ответить на вопрос, как всемогущий Бог попустительствует бедам и страданиям своих верных. С одной стороны, он сослался на традиционный для христианского сознания вообще и для монашеского в частности пример безмерного терпения и смирения пророка Иова, который сохранил верность Богу, хотя Бог, испытывая его, лишил Иова последних радостей земной жизни и оставил ему на долю лишь одни ее печали [1, p. 510]. С другой стороны, он решает его в плане драмы христианского короля-мученика, которой придает вселенский масштаб.

Аббон решается затронуть и живые, языческого характера, представления об особой связи удачливого завоевателя и правителя с благоприятствующими ему природными силами (favente gratia elementorum) и их сверхъестественным источником [1, p. 512]. Посланец языческого короля Ингвара говорит о небывалой удачливости своего короля: «Волнение моря во время бури помогает нашим веслам… которым ни чудовищные раскаты небесного грома, ни частые удары молнии не наносили когда-либо вреда». Метафизическая картина событий дополняется глубокой исторической перспективой.

Аббон уподобляет языческого воителя римскому императору, требовавшему от первых христиан поклонения своему гению, иначе «демону» или «идолу», по определению самих христиан. Правда, языческий правитель и его посланец предстают сначала не как те, кто вершат насилие, но как искусители, слуги Сатаны. Ингвар рисуется в образе почти христианского императора. Его посланец говорит о нем: посему будь со всеми твоими [людьми] под [властью] этого величайшего повелителя, которому служат стихии ради прирожденного его милосердия, так как, милосерднейший, умеет во всяком предприятии щадить подчиненных и войной побеждать гордых» (cui famulantur

elementa pro sibi innata clementia: quoniam novit piissimus in omni negotio parcere subiectis et debellare superbos) [1, p. 512]. Но, как поясняет Аббон, речь шла в конечном счете о том, чтобы разуверившийся в своем боге под ударами судьбы Эдмунд предстал бы перед Ингваром как почитающий его и, надо думать, того, кто его послал (ut desperans Deo in faciem benediceret) [1, p. 510].

Далее Эдмунд выступает уже в роли древнего христианского подвижника, который отказывается служить одновременно Христу и чуждому всякому христианину гению императора. Эдмунд заявляет у Аббона: «Так что же теперь я стану служить двум господам, я, который дал обет перед своими придворными, что буду жить только под властью Христа и править только под властью Христа?!» [1, p. 513]. Такая коллизия, естественно, могла разрешиться только исповедованием имени Христа по примеру древних христианских святых и мученической смертью. Одним словом, новый местный англосаксонский святой королевской крови ставится Аббоном в один ряд с классическим типом святых христианских мучеников.

Разумеется, Аббон не лишает Эдмунда и важной в глазах соплеменников функции доблестного защитника своего народа. Эдмунд выражает готовность сражаться, но вместе с тем он чувствует, что и возможная его жертвенная гибель угодна Богу и послужит будущему возрождению его народа. Епископу, который, видя внешнюю безнадежность положения, призывает его подчиниться Ингвару, Эдмонд отвечает: «О, если бы все, кто ныне живой стенает о том, чтобы не погибнуть в жестокой битве, уцелели бы, даже если бы я погиб – только бы на сладостных пажитях отчизны, – и потом вернулись бы к славе прежнего счастья!» [1, p. 512]. Подчеркивая величие его подвига, Аббон указывает, что Эдмунд помышлял не только о конечном искуплении своего народа из-под власти слуги Сатаны, но и об обращении в христианство самих своих обидчиков. Через посланца Эдмунд отвечал Ингвару: «Посему узнаешь, что ради любви к преходящей жизни христианский король Эдмунд не подчинится языческому вождю, если только ты прежде не станешь причастным нашей вере, желая стать знаменосцем в стане Вечного Царя» [1, p. 513].

Далее в изображении Аббона все складывается само собой так, что Эдмунду остается принять безоружным жертвенную смерть, но тем самым одновременно уподобиться не только древним святым мученикам, но и самому Христу. По словам Аббона, Эдмунд, когда враги по приказу Ингвара ворвались в его дворец, в самый последний момент решил не сопротивляться – он откинул оружие и отдал себя врагам-язычникам, как христианин, как часть тела Христова.

Прямые сопоставления Эдмунда с Христом встречаются на протяжении всего текста – к примеру, Аббон сравнивает Эдмунда, представшего перед Ингваром, с Христом, стоявшим перед восседающим в качестве повелителя Пилатом. Дерево, к которому язычники привязывают Эдмунда, дабы подвергнуть его пытке, сопоставляется с Крестом Господним. Думается, что уподобление мученической смерти нового христианского подвижника мученической смерти Христа было продиктовано не только традиционным сопоставлением жертвы древних христианских святых с искупительной жертвой Сына Божьего, но и уже весьма богатым опытом религиозно психологического переживания и глубокого осмысления центрального момента евангельской истории.

Говоря о посмертных чудесах, сотворенных святым, Аббон особо останавливается на нетленности его тела. Опираясь на суждения Отцов Церкви о нетленности тел дев-мучениц, Аббон объясняет

это чудо прижизненным целомудрием короля. Этой теме он посвящает завершающую, XVII главу своего труда; она представляет собой не что иное, как назидание монахам, к которым явно был обращен текст.

Всячески обосновав уподобление Эдмунда древним христианским мученикам, представив посмертные свидетельства его святости, Аббон мог заключить свое повествование о подвигах и посмертных чудесах Эльфрика почти сакральной формулой признания святости Эдмунда: Святой король и мученик обладает способностью очищать от грехов тех, кто взывает к нему с молитвой, являясь, таким образом, посредником между людьми и тем, «кто жив и царствует во веки веков» [1, p. 520].

Эльфрик Эйнсгемский (ок. 955 – ок. 1010) не замедлил переработать труд Аббона в соответствии со вкусами и восприятием клириков и мирян, приверженных традиционной англосаксонской культуре. Эльфрик творил в период восстановления и подъема англосаксонской церкви и реформы монастырской жизни, которые явились прежде всего следствием возвышения уэссекской королевской фамилии и утверждения ее власти на значительной территории. С военным и административным устроением королевства неразрывно было связано церковное устроение на новых принципах монастырской и церковной жизни, выработанных на Континенте в рамках возглавляемого аббатством Клюни реформаторского движения. Творчество Эльфрика можно рассматривать как одно из проявлений своеобразной и по-своему яркой культуры такого важного церковного и политического центра, каким был Винчестер.

Эльфрик проявил себя прежде всего как мастер проповеди на национальном языке. Житие св. Эдмунда включено Эльфриком в сборник под названием «Жития святых», созданный в 996–997 гг., который мыслился автором как третья часть «Католических проповедей» – двухтомного труда на англосаксонском языке, написанного несколькими годами ранее. В латинском предисловии к «Католическим проповедям» Эльфрик особо оговаривает важность агиографических сюжетов для церковной проповеди: «…мы разместили в этой книжице не только толкования на Евангелия, но и *описания мученичеств или жития святых для пользы необразованных людей из этого народа*» [7, p. 1].

По словам Эльфрика, он включил в свой сборник жития тех святых, кого не народ, но монахи почитали особыми службами (Non vulgus, sed coenobitae officiis venerantur) [2, v. 1, p. 2]. Составителя сборника житий на национальном языке такое заявление и такой подход к делу должны были оградить от возможных обвинений в том, что сборник его не свободен от народных суеверий и противоречит церковной доктрине. М. Дюбуа, исследовательница творчества Эльфрика, отталкиваясь от этих слов, со странным буквализмом заключила, однако, что сборник «Житий Святых», в отличие от «Католических проповедей», был предназначен исключительно для духовенства [6, p. 113]. Мы позволим себе с этим не согласиться – это противоречит как заявлению самого Эльфрика о важности житийных сюжетов в деле наставления необразованных людей, так и тому факту, что агиографический сборник, как мы знаем из предисловия к нему, был составлен по просьбе представителей высшей знати** [2, v. 1, p. 4]. Как мы увидим ниже, Эльфрик не только писал для людей совершенной иного культурного уровня, нежели тот, который представляло творчество Аббона Флерийского, но и сам являл собой пример мышления далеко не столь изощренного, что, однако, отнюдь нисколько не умаляет его славы проповедника и важнейшего представителя ранней английской национальной литературы.

При сопоставлении латинского текста Аббона Флерийского и древнеанглийского варианта Эльфрика бросается в глаза прежде всего разница в объеме (текст Эльфрика меньше примерно в два раза), а также в самом принципе построения текста и в лексическом наборе. Уменьшение объема в труде Эльфрика вызвано главным образом за счет удаления всякого рода ссылок на авторитеты и ученой аргументации, лишних исторических ассоциаций и сложных богословских представлений, которые, можно сказать, были совершенно излишни в проповеди, обращенной к широкой публике.

Эльфрик передает основную сюжетную канву «Passio Sancti Eadmundi», отступления у него незначительны. Но можно в то же время можно отметить значительное различие в идейных построениях, хотя они и не таковы, чтобы можно было согласиться, например, с М. Омельницким, прямо утверждавшим, что сам Эльфрик, подобно своим слушателям, не различал языческие и христианские символы [10, p. 100].

Вместо довольно сложной идеи борьбы Церкви и Царства Дьявола, как квазицеркви сатанинского соблазна, Эльфрик выдвигает ходячую идею религиозного дуализма, доступного индивидуальному сознанию, не осложненному представлениями о жизни церкви в целом и ее внутренних проблемах. Не развита видимым образом и идея искушения христианского подвижника. Преданные традиционному язычеству захватчики и притеснители выступают у Эльфрика как прямое воплощение Дьявола: он называет Ингвара и Уббу «сплоченными дьяволом» (geanlæhte þurh deofol) [2, v. IV, p. 316]. Не вдаваясь в тонкости доктрины о власти Сатаны, Эльфрик просто рисует отвратительные стороны поведения диких язычников, он говорит о пришельцах-датчанах, что они пришли, чтобы «грабить и убивать на той земле по закону их» (hergiende and sleande wide geond land swa swa heora gewuna is) [2, v. IV, p. 314].

У Эльфрика отсутствует и всякое подобие развитой доктрины об известной самостоятельности светской власти, тем более о религиозном синкретизме императоров древности, которые, требуя от ранних христиан поклонения своему гению, отнюдь не требовали от них отречения от имени Христа: лишь собственное убеждение христиан в невозможности служить двум духовным господам побуждало их к отказу от поклонения «идолу» императора и зачастую к мученической смерти. Как мы видели, эту ситуацию прекрасно сознавал Аббон и по-своему перенес ее в условия Англии IX в., когда ему понадобилось уподобить Эдмунда древним христианским мученикам.

Как было выше отмечено, именно аргументированное уподобление Эдмунда древним христианским мученикам позволило Аббону в конце своей версии жития короля-мученика представить Эдмунда как святого, помогающего искупать грехи. Ничего подобного нет у Эльфрика. Завершающая часть написанного Эльфриком жития представляет собой размышление о природе чудесного и заканчивается лишь мыслью, что чудеса, творимые святыми, свидетельствуют о Господнем всемогуществе.

У Эльфрика мы сталкиваемся с полной идентификацией начал жизни народа и власти короля с исповедованием христианства. В отличие от версии Аббона, где насильники внешне требовали от Эдмунда лишь признания власти Ингвара, у Эльфрика Ингвар добивается от Эдмунда непосредственно отречения от имени Христа: «И увидел Ингвар, бесчестный пират, что не отречется благородный король от Христа, но будет с непреклонной верой неустанно к нему взывать, и приказал он тогда обезглавить его, и язычники сделали это» [2, v. IV, p. 322]. Чуть выше у Эльфрика говорится о том,

что «язычники от его [Эдмунда] веры приходили в ярость» [2].

Не найдем мы у Эльфрика и отражения переживания жертвы христианского мученика как крестной смерти самого Христа. В житии, написанном Эльфриком, всюду речь идет лишь о неколебимой верности Эдмунда имени Христа: «Знает Всемогущий Господь, что никогда не отвращусь я от поклонения ему, равно как и от истинной любви его, будь я жив или мертв» [2, v. IV, p. 318].

Тема защиты народа получает у Эльфрика едва ли не большее значение, чем то, которое она имеет в житии, написанном Аббоном. Любопытно, однако, что в определенный момент тема страданий народа, причиняемых лютыми врагами, лишается у Эдмунда религиозного осмысления, которое она получила у Аббона. У Аббона Эдмунд говорит о потерянных людских душах: «Вот чего я желаю, что предпочитаю всем упованиям, да не пережить мне моих дражайших подданных, души которых воровски погубили свирепые пираты» [1, p. 512]. У Эльфрика то же высказывание получает, можно сказать, самый натуралистический смысл: «…вот чего я желаю и к чему стремлюсь своим разумом: да не переживу я своих любимых подданных… жестоко умерщвленных этими пиратами» [2, v. IV, p. 318]. Несомненно, Эльфрик писал так в расчете на слушателей, ожидавших от короля прежде всего заботы о жизнях подданных и готовности защитить их с оружием в руках.

Две религиозные идеи получают, однако, у Эльфрика более сильное и даже необычайное своей непосредственностью выражение. Это прежде всего тема добровольного принесения себя королем в жертву ради спасения народа. Если Аббон рисует перед читателем вполне конкретную ситуацию, в которой представляется логически закономерным переход от вооруженного сопротивления к добровольной отдаче себя на мученическую смерть, переживаемую как подвиг религиозного служения, то у Эльфрика дело обстоит иначе. Вероятно, Эльфрик мыслил ту самую канву событий, которую изобразил Аббон, но не воспроизвел ее в своем стремлении поскорее перейти от выраженной Эдмундом решимости погибнуть в битве к моменту его мученической смерти. Похоже, что для публики Эльфрика, если не для него самого, сулящая спасение жертвенная смерть предводителя в случае неудачи представлялась чем-то естественным, отвечающим исконным представлениям англосаксов-воинов. Это представление имело, несомненно, языческие корни, но вместе с тем входило в тот общий фонд религиозных представлений, из которого в известном смысле черпало свои идеи и христианство. Стараясь придать чисто христианское звучание выражению готовности Эдмунда добровольно принять мученическую смерть, Эльфрик самостоятельно ссылается на историю страстей Господних. Он сообщает, что «умудренный Спасителем» (þæs Hælendes gemyndig) [2, v. IV, p. 320] Эдмунд откладывает оружие в сторону, «желая последовать примеру Христа, ибо запретил он Святому Петру оружием одолеть жестокосердных иудеев» [2, v. IV, p. 320–322].

Так же ярко выражен еще один мотив религиозного подвижничества, а именно тема воздержания и целомудрия. В то время как Аббон поднял эту тему в конце своего повествования, Эльфрик поместил ее в середину рассказываемой им истории. Подобно тому как он опустил описание внешних обстоятельств при переходе к теме мученической смерти, так и тут, говоря о целомудрии короля-мученика, он опустил все доводы Аббона, основанные на суждениях Отцов Церкви, но взял от него лишь саму мысль о связи чуда нетленности тела Эдмунда с его целомудрием: «Тело его, что покоится нетленным, являет нам, что жил он без

прелюбодеяния в этом мире, и за непорочную жизнь свою отошел ко Христу».

Дополнительное представление о публике Эдмунда и его культурном окружение может дать краткая характеристика его литературных приемов. Язык его в «Житиях святых» заставляет вспомнить о произведениях англосаксонской эпической поэзии. Для выполненного им перевода характерны такие особенности стиля, как ритмическая проза, прием повтора; нередка и аллитерация [2, v. IV, p. 314, 322, 326, 328].

Эльфрик широко использует лексику, свойственную англосаксонскому эпосу, приближая свой текст к устной традиции. Для устойчивого у Аббона словосочетания «sanctus martyr», употребляемого в отношении короля, у Эльфрика находится четкое соответствие «halga wer» («святой муж»), звучащее весьма традиционно для англосаксонского поэтического стиля и даже имеющего некий героический оттенок.

Обратим внимание наконец и на конкретные идеологические задачи Эльфрика, продиктованные вполне реальными обстоятельствами.

Мысль о жертве Богу, некогда принесенной одним из королей павшего Восточно-английского королевства и обещавшей будущее его возрождение, оказывалась весьма актуальной в обстановке укрепления и расширения власти Уэсскской династии, которая распространилась и на земли восточных англов. Поднимая культ св. Эдмунда на новую высоту, короли этой династии обретали тем самым высшее религиозное оправдание в деле утверждения власти над восточными англами. Именно поэтому Эльфрик стремится поместить житие Эдмунда в узнаваемый исторический контекст – так, он говорит о том, что Ингвар отправился в Восточную Англию «в тот год, когда был двадцать один год принцу Альфреду» [2, v. IV, p. 316] – будущему Альфреду Великому, остановившему наступление датчан. Не случайно и то, что Эльфрик старается подчеркнуть принадлежность Эдмунда целому сомну англосаксонских святых, почитаемых в Уэссексе. Говоря, что в Англии немало святых Господа, он называет самого Эдмунда, Кутберта, Этельтриту, Сексбургу (две последние святые также происходили из восточноанглийского королевского семейства). Так, св. Эдмунда занял окончательно прочное место в пантеоне местных англосаксонских святых.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Некоторые чудеса, происходившие возле раки святого Эдмунда, представлены Аббоном как потустороннее отправление его функций земного судьи. Например, однажды святой покарал разбойников, пытавшихся ограбить его могилу. Наказывались, кроме того, люди, не почитавшие христианского Бога; в житии содержится рассказ о грешнике по имени Леофстан, который не смог безнаказанно взглянуть на святого: его постигло безумие, а затем и смерть [1, p. 517–518].

** В предисловии к «Житиям Святых» Эльфрик говорит: «Да не будет мне поставлено в вину то, что я перевожу Священное Писание на наш язык, ибо оправдывают меня просьбы многих верных, и особенно правителя Этельверда и моего друга Этельмера, которые высоко оценили мои переводы, когда их читали». (Non mihi inputetur quod divinam scripturam nostrae linguae infero, quia arguet me praecatus multorum fidelum et maxime Aethelwerdi ducis et Aethelmeri nostri, qui ardentissime nostras interpretationes amplectuntur lecitando…) [2, v. 1, p. 4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abbo Floriacensis, Vita Sancti Eadmundi, regis anglorum et martyris // Migne. Patrologiae cursus completus, series Latina. V. 139. P. 508–520.

2. Aelfric's Lives of Saints. Ed. by W. Skeat. Vol. I–IV. London, EETS, 1881–1900.

3. Asserius. The medieval life of King Alfred the Great: a translation and commentary on the text attributed to Asser. Basingstoke – New York, Palgrave, 2002. 280 p.

4. *Blunt C. E.* The St Edmund Memorial Coinage // *Proceedings of the Suffolk Institute of Archaeology*. P. 234–53. 1969. № 31.

5. *Dubois M.-M.* Aelfric. Sermonnaire, docteur et grammarien. Contribution à l'étude de la vie et de l'action bénédictine en Angleterre au Xe siècle. Paris, E. Droz, 1943. 419 p.

6. The homilies of the Anglo-Saxon Church. The first part, containing the Sermones Catholici, or Homilies of Aelfric. Vol. I. Ed. by B. Thorpe. London, 1844. 624 p.

7. *Mostert M.* The Political Theology of Abbo of Fleury: A Study of the Ideas about Society and law of the tenth-century monastic reform movement. Hilversum, Uitgeverij Verloren, 1987. 224 p.

8. *Rollason D.* Saints and relics in Anglo-Saxon England. Oxford, B. Blackwell, 1989. 245 p.

9. The Saxon Chronicle: with an English translation, and notes, critical and explanatory. Rev. J. Ingram. London, Longman, 1823. 463 p.

10. *Омельницкий М. П.* Жития трех английских святых Эльфрика: св. Освальда, св. Эдмунда, св. Свизина. М.: Реал-А, 1997. 224 с.